

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.2>

Голиков Леонид Михайлович

[Дискриминационное разрешение в законе Российской империи о евреях](#)

Цель исследования - определить семантико-прагматические признаки дискриминационного разрешения в законе Российской империи о евреях. Автор описывает специфику нормативного разрешения, демонстрирует признаки дискриминационности, дифференцирует виды дискриминационного разрешения. Научная новизна видится в том, что впервые выделяется дискриминационное разрешение как форма законодательной регламентации. В результате доказано, что дискриминационное разрешение определяется ситуацией неполного снятия дискриминационного запрета в итоге целенаправленного действия законодателя для преодоления ситуации непогоды (вреда), субъектом которой выступают евреи; в ходе исследования также выделены три вида дискриминационных разрешений, объединенных семантикой ограничения возможности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/12/2.html

Источник

[Филологические науки. Вопросы теории и практики](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 12. С. 14-19. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/12/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

14. Рон М. В. Традиционные и новые виды экспертиз // Культурологическая экспертиза: теоретические модели и практический опыт: коллективная монография / авт.-сост. Н. А. Кривич; под общ. ред. В. А. Рабоша, Л. В. Никифоровой, Н. А. Кривич. СПб.: Астерион, 2011. С. 65-75.
15. Силикон против мускулов: светская дива увела мужа у чемпионки // Пусть говорят. Первый канал. 05.08.2019.
16. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: АСТ; Астрель, 2000. Т. 4. 940 с.
17. Уже не смешно! // Модный приговор. Первый канал. 25.09.2020.
18. Черных А. И. Экспертное знание и публичная экспертиза. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 32 с.
19. Шмелёва Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сб. статей / редкол.: В. Е. Гольдин (отв. ред.), Л. В. Балашова, В. В. Дементьев (отв. секретарь), О. Б. Сиротинина, М. Ю. Федосюк. Саратов: Колледж, 1997. С. 88-98.
20. Bhatia V. K. Analyzing Genre. Language Use in Professional Settings. L. – N. Y.: Longman, 1993. 246 p.
21. <https://fundshub.ru/investment/investments/3175.php> (дата обращения: 12.07.2020).
22. <https://www.sibdom.ru/journal/1902/> (дата обращения: 19.08.2020).
23. Swales J. M. Genre Analysis: English in Academic and Research Settings. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 260 p.

Specificity of Realising Communicative Goal of Expert Examination under Traditional and New Communicative Conditions

Volynkina Svetlana Vadimovna, PhD

*Prof. V. F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation
volinkina-zapad@mail.ru*

The article is devoted to studying the speech genre of expert examination. The purpose of the work is to determine specificity of realising the communicative goal of the expert examination genre. Scientific novelty of the research lies in studying expert examination from the standpoint of the speech genres theory on the basis of using the method of factor analysis. The author has identified the basic characteristics of the genre, determined specificity and limits of communicative goal-setting of the expert examination genre, studied influence of communicative environments and spheres on realisation of expert examination illocution. As a result, the researcher has proved that communicative goal-setting of the expert examination genre is bidirectional: it is directed at conveying information and making an assessment; speech manifestation and correlation between the two objectives depend on pragmatic conditions of the genre realisation.

Key words and phrases: speech genres theory; genre of expert examination; communicative goal; pragmatics.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.2>

Дата поступления рукописи: 26.10.2020

Цель исследования – определить семантико-прагматические признаки дискриминационного разрешения в законе Российской империи о евреях. Автор описывает специфику нормативного разрешения, демонстрирует признаки дискриминационности, дифференцирует виды дискриминационного разрешения. **Научная новизна** видится в том, что впервые выделяется дискриминационное разрешение как форма законодательной регламентации. **В результате** доказано, что дискриминационное разрешение определяется ситуацией неполного снятия дискриминационного запрета в итоге целенаправленного действия законодателя для преодоления ситуации непогоды (вреда), субъектом которой выступают евреи; в ходе исследования также выделены три вида дискриминационных разрешений, объединенных семантикой ограничения возможности.

Ключевые слова и фразы: нормативное разрешение; нормативный запрет; дискриминационное нормативное разрешение; закон о евреях.

Голиков Леонид Михайлович, к. филол. н., доц.

*Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний
LGolikov@mail.ru*

Дискриминационное разрешение в законе Российской империи о евреях

Актуальность темы настоящей работы определяется двумя причинами. Первой является необходимость изучения националистического дискурса в различных исторических срезам для объективной и всесторонней оценки дискурсивной практики современных русских националистов. Можно предположить, что законодательные тексты, регулирующие правоотношения евреев в период Российской империи, как образцы институциональных форм выражения государственной националистической идеологии являются достаточно ценным источником исследования прагматических констант, во многом повторяемых националистическими текстами конца XX – начала XXI в.

Вторую причину представляет то обстоятельство, что дискриминационное разрешение является особой формой выражения директивной модальности – текстообразующей категории, определяющей специфику

законодательного текста. Выявление и изучение директивного потенциала законодательного языка в период его становления – важное условие понимания процесса развития системы форм регламентации в последующие этапы, вплоть до настоящего времени, когда правотворческая деятельность в определенной степени испытывает кризис, проявляющийся, прежде всего, в несовершенстве языкового построения законодательных норм.

Для достижения заявленной цели исследования необходимо решить ряд *задач*. Прежде всего, дать семантико-прагматическую характеристику речевому акту разрешения в условиях законодательного дискурса. Далее, определить признаки дискриминационности нормативных разрешений в законе Российской империи о евреях. Наконец, дифференцировать дискриминационные разрешения, выявив способы построения отдельных видов, их семантико-прагматические особенности.

Исследование дискриминационных разрешений в законе Российской империи о евреях осуществлялось с использованием *методов* семантического и прагматического анализа.

Теоретической базой исследования послужили труды А. Вежицкой [5], Е. И. Беляевой [2; 3], С. Н. Цейтлин [3], М. Я. Гловинской [7], И. Б. Шатуновского [21], Е. А. Шмелевой [22], посвященные описанию семантики и прагматических особенностей разрешения и запрещения как побудительных речевых актов. Кроме того, учитывались работы Г. А. Золотовой [9], С. С. Ваулиной [4], Ю. В. Гапоновой [6], которые представляют модус возможности в качестве значения внутрисинтаксической, или ситуативной, модальности, отражающей отношение субъекта к действию.

Важным аспектом исследования явилось определение механизмов построения дискриминационного разрешения, что стало возможным благодаря трудам Е. В. Падучевой [13], В. З. Санникова [15], Е. В. Урысон [19], Е. А. Стародумовой [18], Н. П. Селиной [16], С. А. Оскольской [12], дающим описание семантики союза *но*, частицы *только*, предлога *кроме*.

Практическая значимость исследования заключается в том, что представленные результаты могут использоваться как в образовательном процессе для дополнения сведений об особенностях языка законодательства, о конкретных приемах законодательной техники, так и в воспитательной работе в качестве материалов для подготовки и реализации мероприятий, направленных на предупреждение пропаганды агрессивного русского национализма (представляется, что сведения об истории националистического дискурса способны побудить к аналитическому и вместе с тем критическому взгляду на образцы современной националистической риторики).

Источниками исследования послужили законы Российской империи о евреях (далее – закон о евреях), представленные в «*Полном хронологическом сборнике законов и положений, касающихся евреев, от Уложения царя Алексея Михайловича до настоящего времени, от 1649-1873 г.*» [14].

В законодательном дискурсе периода Российской империи выделяются дискриминационные прескрипции, представляемые в том числе запретами и разрешениями. Если нормативный запрет, специально призванный выражать значение нормативной невозможности, является очевидным средством законодательного ограничения субъекта на основании признака принадлежности к определенной национальной, религиозной и т.п. группе, то дискриминационный статус нормативного разрешения не столь явен.

Для определения специфики нормативного разрешения необходимо учитывать, что оно с нормативным запретом примыкает к побудительным речевым актам [2, с. 16; 21, с. 319, 324; 22] посредством ряда отрицания: «...запрет – это отрицательный приказ, а позволение – это отрицаемый запрет» [5, с. 263]. То есть запрет возможно рассматривать отдельно от разрешения, а разрешение отдельно от запрета – нет, так как оно «некоторым образом строится на основе запрета» [Там же]. Таким образом, для понимания особенностей нормативного разрешения, дискриминационного разрешения в частности, важно определить характер соотношения нормативного запрета и нормативного разрешения.

Волитивно-каузативный статус актов нормативного запрета и нормативного разрешения [11, с. 148] предполагает, что данные речевые акты побуждают адресата каузировать определенную ситуацию, предполагаемую законодателем. Однако следует учитывать, что в этом случае побуждение определяется логическими категориями «запрещено» или «разрешено» [10, с. 28-29], то есть «разрешения и запрещения не непосредственно побуждают А делать или не делать Р, но сами по себе только каузируют, порождают деонтическую возможность или невозможность для А делать Р» [21, с. 319]. Таким образом, побуждение в деонтическом ключе, реализуемое формами невозможности и возможности, потенциально [3], так как каузирует ситуацию «ирреальную в настоящий момент, но имеющую (и это не подлежит сомнению) предпосылки и условия для того, чтобы стать фактической» [20, с. 6]. В законодательном дискурсе потенциальность может пониматься в качестве связи между правовой (системой правовых норм) и фактической реальностями: первую каузирует законодатель как субъект модальной оценки [3, с. 123], или, точнее, субъект целеполагания (так как нормативные запрет, разрешения обладают семантическим признаком утилитарности, под которым понимается наличие в их семантической структуре компонента ‘конкретная, практическая цель’, соотносимого с потенциальной ситуацией); вторую – субъект предметной ситуации [Там же, с. 124], или субъект запрета, разрешения. В таком ключе значения нормативного запрета и нормативного разрешения трактуются как значения внутрисинтаксической [9, с. 151-152], или ситуативной [4; 6], модальности.

Семантика потенциальности нормативных запрета и разрешения реализуется через такой семантический признак, как ответственность субъекта ситуации запрета или разрешения, которая предполагает, что подобный субъект наделен 1) способностью совершить регулируемое действие и 2) способностью подвергнуться негативному воздействию в случае некаузации ситуации запрета или в случае каузации потенциальной ситуации до момента возникновения нормативного разрешения как явления правовой реальности (ср. условие

успешности речевого акта разрешения, сформулированное И. Б. Шатуновским: «А не имеет права сделать Р, если Г не разрешит ему сделать Р (не произнесет определенные слова)» [21, с. 320]). Следует отметить, что способность совершить регулируемое законодателем действие дополняется желанием его совершить [5, с. 264; 21, с. 320], что может выражаться запросом субъекта, реакцией на который выступают речевые акты запрета или разрешения [7, с. 189; 22, с. 69].

Таким образом, ситуация разрешения накладывается на ситуацию запрета: границами пересечения являются моменты актов волеизъявления [11], в пределах которых выделяется субъект, обладающий ответственностью, что обеспечивается модусом принуждения. Иными словами, нормативный запрет первичен по отношению к нормативному разрешению, появляющемуся в результате предположения законодателя о полезности возникновения ситуации разрешения, или ситуации снятия запрета. Здесь мы вынуждены повторить цитату А. Вежбицкой: «...позволение – это отрицаемый запрет» [5, с. 263], то есть формула «Если Х делает Р, он не будет наказан» [7, с. 189], определяющая разрешение, может истекать только из формулы «Если Х сделает Р, он будет наказан», определяющей запрет [Там же, с. 188]. Акт нормативного разрешения характеризуется модусом возможности, или отрицания принуждения и невозможности, соответственно, нормативное разрешение – побуждение без принуждения. Субъект разрешения после возникновения нормативного разрешения как явления правовой реальности лишается признака ответственности.

Перечисленные особенности нормативного разрешения достаточно наглядно отражаются дискриминационными разрешениями, формальная организация и семантика которых наиболее тесным образом связана с дискриминационными запретами. Дискриминационность возникает в случае реализации законом о евреях особой утилитарной задачи – преодоления ситуации непогоды (вреда), субъектом которой выступают евреи. Подобная ситуация непогоды возникает, если евреи осуществляют действия определенных типов: 1) существование в определенном пространстве; 2) осуществление определенной деятельности; 3) принятие определенного состояния [8, с. 47].

Прежде всего, в законе о евреях выделяются дискриминационные разрешения, представляющие собой нормативные разрешения, ограниченные дискриминационным запретом. Основным механизмом построения такой нормы является противопоставление разрешения и запрещения посредством синонимичных союзов *но, однако*, реализующих значение, указывающее на соединение возможности и невозможности в описании потенциальной ситуации (ср.: «*На землях, Обществу Израильских Христиан отведенных, дозволяется Членам онаго варить пиво, курить хлебное вино, делать разныя водки и другие напитки, как для собственного употребления, так и для продажи проезжающим чрез их селения. Но вне селений их никаких напитков не вывозить и не продавать*» [14, с. 91]; «...1) *Тем из Евреев, кои действительно имели донныне постоянное в Риге пребывание, дозволить приписаться к сему городу и остаться в оном на жительстве, не пользуясь однако ни правом гражданства, ни правом приобретения недвижимой собственности*» [Там же, с. 516]). Характер конъюнкции подобного рода определяет Е. В. Падучева, описывая статическое значение союза *но* [13, с. 40-41]. Применительно к нашим примерам данное толкование можно представить следующим образом:

1) имеют место разрешение (X) и запрет (Y);

2) из того, что X, следует, что субъект потенциальной ситуации должен желать X^1 , а Y препятствует тому, чтобы X^1 было;

3) то, что Y, более существенно, чем то, что X. Таким образом, семантику разрешения, ограниченного дискриминационным запретом, представляет отрицание ожидания субъекта разрешения в определенном объеме (ср. «обманутое ожидание» в толковании «но противоположной ситуации») [19, с. 191-195]).

Если учитывать, что ситуация нормативного разрешения трактуется как ситуация снятия запрета, то в нашем случае ситуация снятия запрета реализуется не полностью, что является специальным действием законодателя как субъекта целенаправленного [13], который предполагает, что преодоление ситуации непогоды (вреда), субъектом которой выступают евреи, может быть достигнуто в случае возникновения ситуации разрешения, ограниченной запретом. По этой причине предположить, что рассматриваемые конструкции с *но, однако* выражают значение, соотносимое со «значением ненормального следствия» [15, с. 249-254], затруднительно: запрет не является следствием разрешения и даже не противоречит, не противодействует ему, а дополняет его (ср.: «*Евреям купцам 1-й гильдии, сверх общих торговых прав, принадлежащих им внутри черты оседлости Евреев, присвоются следующие особенныя права: 1) <...> В Москву дозволяется им приезжать для закупки товаров и самим, но без семейств, и с ограничением срока временнаго их там пребывания шестью месяцами*» [14, с. 366]). При этом необходимо еще раз отметить, что запрет, введенный *но, однако*, в представлении законодателя более важен [13, с. 41], то есть в подобных примерах исключается семантическая симметричность. Очевидным будет вывод о том, что именно эта особенность порождает семантику дискриминационности разрешений в законе о евреях.

В целом разрешение подобного типа представляется наиболее общей формулой «Я разрешаю тебе P^1 , но запрещаю тебе P^2 », которой предшествует «Я запрещаю тебе Р», где $P = P^1 + P^2$. Таким образом, ситуация разрешения, ограниченная дискриминационным запретом, – единая ситуация дискриминационного разрешения, возникшая в результате неполного снятия дискриминационного запрета. Иными словами, дискриминационное разрешение не подразумевает полную отмену модусов принуждения и невозможности, соответственно, субъект разрешения после возникновения дискриминационного разрешения как явления правовой реальности не теряет признака ответственности, в частности способности подвергнуться негативному воздействию.

Следующий вид дискриминационного разрешения представляют примеры с ограничительными частицами *только (только), единственно*, которые реализуют свое основное значение «говорящий сообщает, что из ряда

каких-либо признаков, предметов, ситуаций он избирает единственный, максимально приемлемый для него или соответствующий данному положению дел вариант, тем самым отвергая другие возможности» [17, с. 40]. Подобное значение «проявляется как отношение компонента, отмеченного частицей и потому обозначающего единственный факт, к сказуемому (предикативному члену предложения)» [18, с. 34-35]. Более того, отмечается дискурсивность частицы *только*, проявляющаяся в наличии «семантической связи предложений с доминантой либо на актанте, либо на предикате; частица функционирует в качестве пресуппозиционного маркера» [1, с. 30, 32]. Таким образом, *только (только)*, *единственно* в структуре дискриминационного разрешения в законе о евреях как определенной дискурсивной общности демонстрируют логическую связь с предшествующим дискриминационным запретом. Например, очевидно, что такие разрешения, как «*Вне черты постоянного жительства Евреев дозволяется им пребывание токмо временно: 1) Для принятия наследства...*» [14, с. 361] и «*Покупка земель для поселения от казны или частных людей дозволяется Евреям единственно в черте постоянной их оседлости*» [Там же, с. 364], в целом основываются на запрещении евреям находиться вне пространства их постоянного места жительства. Часто подобная логическая связь демонстрируется самим законодателем (ср.: «*В военных округах, а равно и в казенных селениях, Евреи не только продаются питей, но и никакими по откупу должностными заниматься не могут, и въезд им в оныя воспрещается. А если бы содержание питейных сборов в военных округах и в казенных селениях принято было кем-либо из Евреев, то дозволяется самому только содержателю (хозяину) иметь временной въезд в сии округи и в казенные селения для присмотра за его поверенными и служителями*» [Там же, с. 182]).

Такого рода связь между дискриминационным запретом и разрешением может быть опосредована разрешением более общего порядка, которое, как предполагает законодатель, требует уточнения – сужения значения нормативной возможности до единственного компонента. Подобное значение эксплицируется с помощью конструкций, где *только*, являясь конкретизатором союза *но*, «приобретает релевантный модус “однако”... “возражение” на мнение слушающего, т.е. выступает в качестве скрепы модального плана» [16, с. 14]. Несомненно, что, оформляя таким образом противительно-ограничительное значение дискриминационного разрешения, законодатель «возражает» субъекту разрешения, ограничивая его ожидания, предполагаемые общим разрешением (ср.: «*Евреи, отправляющиеся для перевозок водяных и сухопутных, могут также получать паспорта, но только в губернии, где оседлость единоверцам их дозволяется и смежных с оными*» [14, с. 754]).

К данному виду дискриминационных разрешений примыкают конструкции, организованные наречиями *не более, не далее* со значением ограничения отдельных количественных признаков. Их семантическую близость подтверждает возможность замены наречий частицей без изменения значения (ср.: «*...притисывающиеся же к прочим затем городам Империи Еврей-купцы могут брать с собою из своих единоверцев не более одного приказчика или конторщика и четырех обоего пола служителей на каждое семейство переселяющегося Еврей-купца*» [Там же, с. 912]; «*...евреи могут также иметь в Киеве временное пребывание не далее 6 месяцев по винным откупам вне Киева...*» [Там же, с. 217]). *Не более, не далее* в сочетании с *но, однако* при построении дискриминационного разрешения способны выражать модус «возражения» (ср.: «*Евреям ремесленникам, имеющим от 15 до 18 лет от роду, могут быть выдаваемы паспорта во внутренния губернии Империи, для усовершенствования себя в своем ремесле, но сроком не более как на два года...*» [Там же, с. 754]; «*В первые три года, по водворении, Еврей-земледельцы могут одни собственные свои сельския произведения возить для продажи в город, в уезде которого они поселены, а также на ярмарки в местечках, находящихся в том же уезде и в смежных уездах, не далее однакож 30-верстного расстояния от мест их оседлости*» [Там же, с. 600]).

В целом мы можем сделать вывод о том, что ситуация снятия запрета, оформляемая дискриминационным разрешением с *только (только)*, *единственно / не более, не далее*, реализуется не полностью, она ограничивается одним компонентом, выбранным законодателем из множества по критерию целесообразности для преодоления ситуации непогоды (вреда), субъектом которой выступают евреи. Данное значение можно выразить формулой ‘Из Р я разрешаю тебе Р¹’, которой предшествует формула ‘Я запрещаю тебе Р’, где Р = Р¹ + Р² + ...

Если принимать во внимание критерий частотности употребления тех или иных форм дискриминационного разрешения, то именно конструкции с *но, однако* и *только (только)* являются наиболее ценными для автора закона о евреях средствами построения разрешительных прескрипций.

Важно выделить дискриминационные разрешения с союзами *кроме, исключая* (данный тип представлен единичными примерами), которые реализуют значение, в наиболее общем виде представляемое как «исключение элемента из множества» [12, с. 365] (ср.: «*Сие ограничение не распространяется, однако же, на Евреев-купцов, которые могут, без перехода в земледельческое состояние, приобретать земли: для поселения своих единоверцев, для учреждения хозяйственных и промышленных заведений (кроме выделки всякого рода горячих напитков), и для скотоводства...*» [14, с. 805]; «*Евреям купцам, занимающимся в г. Режице торговлею, дозволить жить в домах их и в новом городе, исключая площади около Православной церкви...*» [Там же, с. 759]). Эти союзы, исключая элемент из ряда, маркированного модусом нормативной возможности, порождают контраст [12, с. 369-370] нормативной возможности и невозможности: ‘Из Р¹, Р², Р³ я разрешаю тебе Р¹, Р², исключая Р³’, которой предшествует ‘Я запрещаю тебе Р¹, Р², Р³’, что подразумевает возникновение ситуации неполного снятия дискриминационного запрета, или ситуации дискриминационного разрешения.

В качестве **выводов** представляются следующие положения.

Речевой акт нормативного разрешения по своим семантическим и прагматическим характеристикам определяется зависимым от нормативного запрета. В зоне пересечения ситуаций запрета и разрешения,

границами которой являются моменты актов волеизъявления, выделяется общий субъект, обладающий семантическим признаком ответственности, что обеспечивается модусом принуждения. В момент возникновения акта нормативного разрешения реализуется модус возможности, или отрицания принуждения и невозможности, что лишает субъекта признака ответственности. Директивность нормативного разрешения обеспечивается связью с нормативным запретом.

Дискриминационное разрешение представляется особой директивной формой: ситуация дискриминационного разрешения – ситуация неполного снятия дискриминационного запрета, что не подразумевает исключения модусов принуждения и невозможности, соответственно, субъект дискриминационного разрешения не утрачивает признака ответственности, в частности способности подвергнуться негативному воздействию.

В законе о евреях выделяются следующие виды дискриминационных разрешений, объединенные семантикой ограничения возможности:

1) нормативные разрешения, ограниченные дискриминационным запретом посредством союзов *но, однако*: ‘Я разрешаю тебе P^1 , но запрещаю тебе P^2 ’ (данной формуле предшествует ‘Я запрещаю тебе P ’, где $P = P^1 + P^2$);

2) нормативные разрешения, ограниченные избранием единственного варианта из множества возможностей посредством частиц *только (только), единственно / не более, не далее*: ‘Из P я разрешаю тебе P^1 ’ (данной формуле предшествует ‘Я запрещаю тебе P ’, где $P = P^1 + P^2 + \dots$);

3) нормативные разрешения, ограниченные исключением компонента из ряда возможностей посредством союзов *кроме, исключая*: ‘Из P^1, P^2, P^3 я разрешаю тебе P^1, P^2 , исключая P^3 ’ (данной формуле предшествует ‘Я запрещаю тебе P^1, P^2, P^3 ’).

В целом мы можем констатировать, что нормативное разрешение в законе Российской империи о евреях приобретает дискриминационный статус в случае ограничения дискриминационным запретом, когда законодатель стремится преодолеть ситуацию непогоды (вреда), субъектом которой выступают евреи.

Лингвистическое описание дискриминационных прескрипций позволяет определить *перспективы дальнейшего исследования* законов о евреях, связанные с изучением преференциальных норм, устанавливающих правовое преимущество контрастирующих с евреями субъектов, что, несомненно, является ярким отражением государственной националистической идеологии периода Российской империи.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 20-012-00111, проект «Русский национализм в лингвоюридическом аспекте: прагматика, динамика, экспертиза».

Список источников

1. Акоюн К. С. Союзные функции частицы ‘только’: частица-союз vs. частица – союзный аналог // Слово.ру: Балтийский акцент. 2018. № 1. С. 30-44.
2. Беляева Е. И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. 168 с.
3. Беляева Е. И., Цейглин С. Н. Соотношение значений возможности и необходимости в семантической сфере потенциальности // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990. С. 123-126.
4. Ваулина С. С. Модальность как коммуникативная категория: некоторые дискуссионные аспекты исследования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. № 8. С. 7-12.
5. Вежицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 251-275.
6. Гапонова Ю. В. Средства выражения значений возможности и необходимости в рекламных текстах печатной рекламы: дисс. ... к. филол. н. Калининград, 2007. 197 с.
7. Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1993. С. 158-218.
8. Голиков Л. М. Закон Российской империи о евреях как националистический текст // Научный диалог. 2020. № 7. С. 40-54.
9. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 352 с.
10. Ивин А. А. Логика норм. М.: МГУ, 1973. 121 с.
11. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. 333 с.
12. Оскольская С. А. Конструкции с союзом *кроме* как и с предлогом *кроме* в русском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2014. № 2. С. 363-398.
13. Падучева Е. В. Эгоцентрическая семантика союзов ‘а’, ‘но’ // Славянские сочинительные союзы: сб. статей / отв. ред. Т. М. Николаева. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997. С. 36-47.
14. Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев, от Уложения царя Алексея Михайловича до настоящего времени, от 1649-1873 г. СПб.: Типография К. В. Трубникова, 1874. 1158 с.
15. Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. 624 с.
16. Селина Н. П. Структурно-семантические и функциональные особенности слова «только» в современном русском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Ставрополь, 2003. 22 с.
17. Словарь служебных слов русского языка / отв. ред. Е. А. Стародумова. Владивосток: Дальневосточный государственный университет, 2001. 363 с.
18. Стародумова Е. А. Функции ограничительного слова «только» в современном русском языке // Синтаксические связи в русском языке: сб. статей / отв. ред. А. Ф. Прияткина. Владивосток: Дальневосточный государственный университет, 1974. С. 32-51.
19. Урысон Е. В. Опыт описания семантики союзов: лингвистические данные о деятельности сознания. М.: Языки славянских культур, 2011. 336 с.

20. Федорова И. Р. Модальность возможности в современном русском языке (на материале газет). Калининград: Калининградский университет, 2000. 85 с.
21. Шатуновский И. Б. Речевые акты разрешения и запрещения в русском языке // Логический анализ языка: языки этики / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 319-325.
22. Шмелева Е. А. Разрешение и запрещение как побудительные речевые акты // Функционально-типологические аспекты анализа императива: в 2-х ч. / под ред. Л. А. Бирюлина, В. С. Храковского. М.: АН СССР, 1990. Ч. 2. Семантика и прагматика повелительных предложений. С. 66-71.

Discriminatory Consent in the Law of the Russian Empire on the Jews

Golikov Leonid Mikhailovich, PhD

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia
LGolikov@mail.ru

The paper aims to identify semantic and pragmatic features of discriminatory consent in the Law of the Russian Empire on the Jews. The author describes specificity of normative consent, reveals features of the discriminative model, differentiates types of discriminatory consents. Scientific originality of the study lies in the fact that discriminatory consent is for the first time considered as a form of normative regulation. The research findings are as follows: the author proves that discriminatory consent can be defined as a partial removal of discriminatory prohibition through the legislator's purposeful action to overcome the situation of denied profit (damage) the Jews experienced; three types of discriminatory consents with similar semantics of opportunity restriction are identified.

Key words and phrases: normative consent; normative prohibition; discriminatory normative consent; Law on the Jews.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.3>

Дата поступления рукописи: 19.10.2020

Цель исследования – охарактеризовать массив зафиксированных в «Словаре русских говоров Приамурья» наречий и систематизировать их. В статье сопоставляются классификации наречий в литературном языке и в других группах русских говоров, уделяется внимание вопросу вариативности наречий. **Научная новизна** исследования заключается в том, что анализу подвергается практически не изученный класс слов группы говоров вторичного образования: впервые исследуется состав диалектных наречий русских говоров Приамурья, выделяются типичные лексико-семантические группы наречий, описывается их семантика. **В результате** предлагается классификация наречий, репрезентированных в «Словаре русских говоров Приамурья», в семантическом аспекте.

Ключевые слова и фразы: наречие; русские говоры; семантическая классификация.

Дун Циньфэй

г. Шанхай, Китайская Народная Республика
qinfei@mail.ru

Садченко Валентина Тарасовна, д. филол. н., проф.

Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск
ValentinaSadchenko@yandex.ru

Классификация наречий в русских говорах Приамурья: семантический аспект

Актуальность работы обусловлена тем, что наречие до недавнего времени относилось к наименее изученной группе языковых единиц как в литературном языке, так и в диалектном в силу некоторой «периферийности» по сравнению с другими классами знаменательных частей речи, в то же время изучение данной группы языковых единиц представляет значительный интерес и необходимо для построения типологии говоров Дальнего Востока и монографического их описания. **Практическая значимость** заключается в следующем: материал и результаты исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении данной группы говоров и тем самым включены в описание изучаемого диалекта; могут быть использованы в спецкурсах и семинарах по региональной лингвистике, на практических занятиях по русской диалектологии в вузе.

Теоретическую базу исследования составляют труды Л. В. Щербы, И. А. Попова, Ф. И. Панкова, Л. А. Савеловой, О. А. Глушенко и других исследователей, посвященные описанию наречий в русском литературном языке и в русской диалектологии.

Задачи исследования: определить лексический состав наречий в «Словаре русских говоров Приамурья»; классифицировать выявленные диалектные наречия по лексико-семантическим группам; описать особенности семантики наречий в русских говорах Приамурья.